

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИЯ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Карбаинов Николай Иванович (а)

(а) Социологический институт ФНИСЦ РАН. 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я
Красноармейская, д. 25/14. E-mail: nkarbainov[at]gmail.com

Аннотация

Негативный образ Ивана Грозного является частью национальной истории, создаваемой политическими и интеллектуальными элитами постсоветского Татарстана. Историческая вина Ивана Грозного с точки зрения элит состоит в том, он захватил Казань в 1552 году, что привело к потере татарской государственности, упадку культуры и экономики, гонениям на ислам и насильственной христианизации. Результаты нашего социологического исследования показывают, что несмотря на все усилия татарской элиты, значительная часть простых жителей Татарстана, включая татар, положительно оценивают деятельность Ивана Грозного не только в истории России, но и в истории Татарстана. Татарские элиты достигли весьма скромных успехов в продвижении своей версии национальной истории. По результатам нашего исследования можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных анклавов».

Ключевые слова

Татарстан; национальная история; национализм; массовые представления; историческая политика; идеология; Иван Грозный

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

THE IMAGE OF IVAN THE TERRIBLE IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITIST VERSION AND MASS REPRESENTATIONS

Nikolay I. Karbainov (a)

(a) Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. 25/14 Krasnoarmeyskaya str., Saint-Petersburg, Russia 190005
E-mail: nkarbainov[at]gmail.com

Abstract

The negative image of Ivan the Terrible is part of the national history created by the political and intellectual elites of post-Soviet Tatarstan. The historical fault of Ivan the Terrible from point of view of the elites is that he captured Kazan in 1552, which led to the loss of Tatar statehood, the decline of culture and economy, the persecution of Islam and violent Christianization. The results of our sociological research show that despite all efforts of the Tatar elite, a significant part of the ordinary inhabitants of Tatarstan, including the Tatars, positively evaluate the activities of Ivan the Terrible, not only in history of Russia, but also in the history of Tatarstan. Tatar elites have achieved very modest successes in promoting their version of national history. According to the results of our research, we can only talk about «partial Tatarization» or the formation of «national archipelagos».

Keywords

Elite; Tatarstan; national history; nationalism; mass representations; historical politics; ideology; Ivan the Terrible

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В результате распада СССР на постсоветском пространстве можно наблюдать стремительный рост национальных историй в ныне независимых государствах СНГ, так и в регионах (в первую очередь в республиках) России (Национальные истории в советском и постсоветском государствах, 1999; Национальные истории на постсоветском пространстве — II, 2009; Историческая политика в XXI веке, 2012). В последние десятилетия политические и интеллектуальные элиты постсоветского Татарстана также создают свою версию национальной истории (Сагитова, 1998; Исхаков, 1999; Rorlich, 1999; Davis, Hammond, Nizamova, 2000; Низамова, 2001; Шнирельман, 2002; Zverev, 2002; Усманова, 2003; Graney, 2009; Овчинников, 2010; Faller 2011; Derrick, 2013).

Конструирование элитами Татарстана национальной истории является хорошо изученной темой. В тоже время до сих пор недостаточно исследована проблема влияния татарских элит на массовые исторические представления жителей Татарстана. Именно эту проблему мы предлагаем осветить в рамках нашей статьи. В литературе и в СМИ можно встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии: 1) «татаризации» и 2) «национальных анклавов». В рамках первого взгляда можно выделить ещё три позиции: «татаризации сверху», «татаризации снизу» и «встречной татаризации». О «татаризации сверху» рассуждает Р. Сулейманов, так, по его мнению, в Татарстане выросло поколение молодежи, «которое всё, что ассоциируется с Россией, стремится унижить и оскорбить. Их возраст колеблется от 18 до 35 и выше, однако есть общая черта – они росли во время правления Минтимера Шаймиева, в эпоху разгула сепаратизма и борьбы "за суверенитет". Они – это мои соплеменники, но те, кто впитал мировоззренческие установки учебников и литературы по истории Татарстана, подготовленных местными историками, с посылом о "вечной освободительной войне татарского народа" и "русских оккупантах". Все они приняли "философию" татарского национал-сепаратизма, которая была мейнстримом общественно-политической жизни республики того времени» (Сулейманов, 2014). А. Фридли считает, что доминирующей идеологией в Татарстане является идеология мультикультурализма и на примере татарской молодежи Казани показывает, что «татаризация города» идет скорее снизу, чем сверху (Friedli, 2012). Х. Фаллер пишет о существовании двух автономных дискурсивных миров русскоязычных и татароязычных жителей и процесс «татаризации», по её мнению,

происходил как сверху, так и снизу (Faller, 2011). В качестве альтернативы идеи «татаризации» предлагается идея «национальных архипелагов» или «национальных анклавов» (Alvarez Veinguer, 2007; Alvarez Veinguer, Davis, 2007). В соответствии с этой идеей татарские идеологи достигли весьма скромных результатов, и их влияние распространяется лишь на небольшие «национальные архипелаги» (в частности, татарские гимназии). Стоит отметить, что сторонники обоих взглядов опираются либо на собственные экспертные оценки (Сулейманов, 2014), либо на результаты антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов (Alvarez Veinguer, 2007; Alvarez Veinguer, Davis, 2007; Faller, 2011; Friedli, 2012). По сути, эти два взгляда могут выступить в качестве гипотез для количественного социологического исследования.

В предыдущих наших публикациях мы уже анализировали данную проблему на примере образов истории тюркской цивилизации (Карбаинов, 2018а), идеологемы 1552 года (Карбаинов, 2018б) и образов революционных событий 1917 – 1920-х гг. (Карбаинов, 2018в). В данной статье мы рассмотрим проблему влияния татарской исторической идеологии на массовые представления на примере образа Ивана Грозного. Таким образом, цель статьи – во-первых, проанализировать исторические дискурсы татарской элиты на примере конструирования образа Ивана Грозного и, во-вторых, рассмотреть, каким образом представлен образ Ивана Грозного в массовых представлениях жителей Татарстана.

В статье мы опираемся на эмпирические результаты коллективного проекта ««Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма К(П)ФУ при поддержке Программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013 – 2014). Версию элит мы осветим с помощью анализа учебников по истории татарского народа и Татарстана, научно-популярной литературы, источников СМИ. Для анализа массовых исторических представлений мы используем нарративы из интервью и данные анкетного опроса жителей Казани (N = 1000 респондентов).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы проанализируем образ Ивана Грозного, который создается в версии национальной истории татарских элит, а во втором разделе рассмотрим массовые представления жителей постсоветского Татарстана.

ВЕРСИЯ ЭЛИТ

В пространстве татарской идеологии существует конкуренция различных течений и идей, в первую очередь между умеренными и радикальными националистами (Мухаметдинов, 2006). Победителями в этой борьбе при поддержке республиканских политических элит в начале 1990-х гг. стали и остаются по настоящее время умеренные татарские националисты. Именно они вырабатывают основные положения национальной идеологии Татарстана (в том числе национальной истории).

Основными производителями и трансляторами господствующей версии национальной истории являются Институт истории Академии наук Татарстана, КФУ и другие научные и учебные заведения, Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. (Гилязов, 2000; Усманова, 2003; Graney, 2009). Ключевыми каналами трансляции исторических дискурсов в массовое сознание жителей Татарстана выступают СМИ (газеты, телевидение) (Низамова, 2001; Сагитова, 1998; Davis, 2007), учебные курсы по истории в средней и высшей школе (Гибатдинов, 2003; Гилязов, 2000; Мухарямова, Андреева, 2013), публичные места, музейные экспозиции и архитектура (Faller, 2011; Graney, 2009; Kinossian, 2012).

Татарская историческая идеология состоит из следующих идеологем: 1) балансирование между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом»); 2) пантатаризм; 3) идея потерянной в 1552 году и вновь обретенной в 1990-е годы государственности; 4) исламоцентризм; 5) евразийство; 6) тюркизм (Карбаинов, 2018а).

Одной из важных идеологем национальной истории, конструируемой элитами Татарстана, выступает идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности (Сагитова, 1998; Zverev, 2002; Хаким, 2007). Р. Хакимов отмечает, что история государственности является «стержневой проблемой» татарской истории (Хаким, 2007, стр. 236). В рамках этой идеологемы 2 (15) октября 1552 года – день взятия Казани войсками Ивана Грозного – ключевая дата национальной истории Татарстана. Эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа (Карбаинов, 2018б). Образ Ивана Грозного является составной частью идеологемы 1552 года. Также образ Ивана Грозного связан с идеологемой исламоцентризма. Роль ислама в истории Татарстана оценивается исключительно позитивно, в отличие от негативных оценок, которые даются православию, например, в форме упоминаний о «насильственной христианизации».

Идеологема 1552 года состоит из нескольких важных компонентов. Во-первых, это светлый образ процветающего Казанского ханства до присоединения к Московскому государству. Казанское ханство описывается как оплот татарской государственности с высоким уровнем развития экономики и культуры. Во-вторых, трагический и в то же время героический образ осады и падения Казани в 1552 г. В-третьих, трагические последствия взятия Казани в 1552 г. войсками Ивана Грозного для татарской государственности и татарского народа. В рамках идеологемы 1552 года имеются свои герои (сеид Кул Шариф — руководитель обороны Казани, царица Сююмбике) и антигерои (Иван Грозный, Шах-Али). (Карбаинов, 2018б).

Важно отметить, что в российской историографии и исторической идеологии современной России оценка деятельности Ивана Грозного достаточно неоднозначна: с одной стороны, он считается великим правителем, который значительно расширил границы Московского царства (в том числе за счёт присоединения Казанского ханства), с другой стороны – кровавым тираном, устроившим массовый террор (опричнину) против собственного народа. В то же время для радикальных и умеренных татарских националистов Иван Грозный (*Явыз Иван* – «злодей Иван») – главный исторический враг, который разрушил Казань в 1552 году, устроил террор против татарского народа и, что особенно важно, лишил татар государственности. Разница между умеренными и радикальными националистами в конструировании идеологемы 1552 года и в том числе образа Ивана Грозного состоит только в эмоциональной насыщенности нарративов (Карбаинов, 2018б).

Радикальные националисты склонны к большей идеализации истории Казанского ханства и дают однозначно негативные оценки падения Казани. Последствия падения Казани для татарского народа радикалы однозначно описывают исключительно в черном цвете (Карбаинов, 2018б). Иван Грозный с точки зрения радикальных националистов «тиран» и «убийца»:

«Иван Грозный считается в ряде народов Российской Федерации кровавым тираном по многим факторам. В 1552 году он пошел походом на Казань, взял город и учинил массовый террор. Все татары мужского рода выше ростом телеги колеса подверглись пыткам и их казнили. Отсюда пошла поговорка «Сирота казанская». Истреблению подвергались не только мужчины, но также и женщины. Во время этого завоевания шло массовое

крещение татарского населения под угрозой смертной казни. Если татарин не становился православным, его подвергали пыткам и казнили. Чаще всего казни устраивали на больших площадях и улицах. Жительниц Казани Грозный распорядился отдать на похоть своим солдатам. Учинив бойню в Казани, Иван Грозный фактически уничтожил местное население, он также разрушил все имеющиеся мечети <...> Татарское, все тюркское население России (башкиры, кумыки и др.) и ряд финно-угорских народов (удмуртов, мордвы и других) считает Ивана Грозного тираном и убийцей. Ему также «присвоено» звание “Явыз Иван” – “Злодей Иван”. Поэтому нужно считать, что Иван Грозный был не столько тираном, но и убийцей многих народов, которые отличались от русских только тем, что исповедовали другую религию и вели иной образ жизни». (Радик, 2013).

Для умеренных националистов характерен меньший градус эмоциональности. Они дают более взвешенные оценки исторического события. Далее рассмотрим каждый из компонентов этой идеологемы и место, которое занимает в них образ Ивана Грозного, более подробно.

Истории Казанского ханства до падения Казани в 1552 г. даются исключительно позитивные оценки. Казанское ханство было «Страной городов» и «Краем изобилия» (Хамидуллин, 2016). Как пишет Б. Хамидуллин,

«оно являлось крупным и экономически развитым государством, играло существенную роль в этносоциальной и культурно-экономической истории Волго-Уральского региона, серьезную роль в политической жизни Восточной Европы и Западной Сибири» (Хамидуллин, 2016). По мнению авторов учебного пособия для средней школы, «уровень жизни казанцев был довольно высок. Это создавало Казани славу богатого города, имевшего ярко выраженный восточный облик» (Гилязов, Пискарев, Хузин, 2008, стр. 77).

«Эпоха процветания» для татарского народа закончилась после захвата Казанского ханства войсками Ивана Грозного. Это завоевание описывается исключительно в трагических тонах. Главным же апофеозом этого вторжения стала героическая оборона и трагическое падение Казани в 1552 г. О героизме защитников Казани Нурулла

Гариф в своей книге «Освободительная война татарского народа» пишет следующим образом: *«Казанцы были полны непреклонной решимости отстаивать свою независимость до последней капли крови. Предложения врага сдать город были отвергнуты, и правительство, и жители города были готовы стоять насмерть за свою Родину»* (Гариф, 2007, стр.13). В качестве еще одного примера героического образа защитников Казани можно привести следующий отрывок из учебного пособия для средней школы:

«После почти целого месяца непрерывных боев защитникам был предъявлен ультиматум — сдать город без сопротивления. Казанцы ответили: “Не покоримся, на стенах и башнях находится Русь. Но мы другую стену поставим, да все помрем, или отсидимся”» (Гилязов, Пискарев, Хузин, 2008, стр. 89).

Наиболее ярко описываются кровавые подробности взятия Казани:

«Казань пала. Иван IV повелел всех оставшихся в живых мужчин истребить, женщин и детей взять в плен. По давно принятой среди победителей традиции город был отдан воинам на разграбление. Вскоре по московской дороге потянулись обозы с казанским добром, которому, как писал очевидец, не было числа» (Гилязов, Пискарев, Хузин, 2008, стр. 90).

В результате завоевания Казанского ханства:

«Казань и вся территория ханства были подвергнуты полному разграблению, население ханства в значительной части (не менее 1/3) было уничтожено и уведено в плен <...> 4 октября Иван IV собственными руками водрузил крест посреди Казани — в Кремле, и “обложил на том месте церковь во имя ...Благовещения”» (Исхаков и др., 2009, стр. 337).

Падение Казани в 1552 г. с точки зрения татарских националистов привело к негативным долгосрочным последствиям для татарской государственности и татарского народа. Как пишут авторы учебного пособия,

«неоднозначными, противоречивыми были последствия завоевания Казанского ханства для его многонационального

населения. Татары лишились своего государства, что стало для них катастрофой. Вместе с ним они утратили и свое доминирующее экономическое и политическое положение. Татары оказались в составе совершенно нового государства с иной культурой, иной верой, иным образом жизни, стали зависимым, подчиненным народом. В ходе “Казанского взятия”, освободительной борьбы намного сократилась их численность. Общим результатом явилось замедление политического, экономического и культурного развития татарского народа. Негативное значение имели другие обстоятельства. Во-первых, татарский народ вследствие завоевания практически полностью лишился своей городской прослойки, был вытеснен в сельскую местность. Из истории известно, что города, городское население играют особую цивилизационную роль. Во-вторых, новая власть последовательно создавала условия для постепенного разложения и исчезновения татарского феодального класса. Самые активные ее противники были сразу же физически уничтожены или изгнаны, лишившись всех своих богатств. Между тем в условиях средневекового общества именно феодалы-землевладельцы являлись его наиболее организованной, грамотной и просвещенной частью. Лояльные татарские феодалы утратили свои национальные корни, не были самостоятельной силой. В результате целенаправленной правительственной политики татары стали подвергаться сильному и жесткому давлению в сфере религии и национальной культуры. Серьезные ограничения существовали в праве передвижения и местожительства. Иными словами, татарский народ в Русском государстве начал испытывать национально-религиозный гнет» (Гилязов, Пискарев, Хузин, 2008, стр. 96–97).

В результате падения Казани в 1552 г. была разрушена не только татарская государственность, но и нанесен большой удар по материальной и духовной культуре татарского народа:

«Да, драматические события 2 октября 1552 года, а чуть позднее (в 1556 году) завоевание русскими войсками Астраханского ханства, надолго прервали многовековую традицию государственности тюрко-татарского населения Поволжья, непрерывно функционировавшей как минимум со времен возникновения Хазарского каганата и Волжской Булгарии, то есть с середины VII века, а также существенно

приостановили развитие материальной и духовной культуры татар. В октябре 1552 года был разрушен один из цветущих центров средневековой татарской цивилизации, ей был нанесен колоссальный урон!» (Хамидуллин, 2016).

Именно Иван Грозный, с точки зрения татарских националистов, виноват во всех дальнейших бедах татарского народа. Так, например, он косвенно виноват даже в голоде в Поволжье 1920-х годов. Об этом мы можем прочесть в учебном пособии для 11-го класса «История татарского народа (XX — XXI вв.)». Авторы пишут:

«В Татарской республике от голода пострадало около 2 млн человек (83% населения), из которых более 100 тысяч умерло. В большей степени страшное бедствие постигло татар <...> Татары пострадали от голода ещё и вследствие того, что традиционно они не занимались овощеводством. Со времен Ивана Грозного, согнавшего татар с берегов рек и озёр, с наиболее плодородных земель, их селения находились вдали от водоёмов, а выращивание большинства овощных культур связано с обильным поливом. Многих русских спасала от голода квашеная капуста, которую в массовом порядке заготавливали во всех крестьянских семьях» (Галлямова, Гибатдинов, Кабирова, 2012, стр. 28).

Важно отметить, что нередко националисты говорят от имени всего татарского народа:

«Фигура Ивана Грозного и сейчас крайне отрицательна для татар, – подтвердил «Ридусу» доктор исторических наук Дамир Исхаков. – Причин две: во-первых, это насильственный захват Казанского ханства, когда татары сильно пострадали. Я сам считал — татары потеряли треть Казанского ханства. После этого татар начали выселять из городов, так что мы фактически потеряли городскую часть населения. Ну и во-вторых, последовавший за этим процесс насильственной христианизации» (Порываева, 2018).

Таким образом, несмотря на то, что правящие элиты Татарстана все больше дистанцируются от оценок прошлого, которые дают радикальные националисты, идеологема 1552 года и негативный образ Ивана Грозного как составная часть этой идеологемы занимают

центральное место в национальной истории. В следующем разделе мы на примере образа Ивана Грозного рассмотрим, каким образом влияет или не влияет версия истории татарской элиты на массовые исторические представления жителей Татарстана, и насколько татарские националисты могут говорить от имени татарского народа.

МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В этом разделе проанализируем некоторые результаты, полученные в ходе реализации проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» с помощью методов интервью (N=170 информантов) и анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов). Поквартирный анкетный опрос был проведен в мае 2014 года в городе Казани. Количество опрошенных – 1000 человек. В соответствии с распределением русских и татар в генеральной совокупности было опрошено 500 татар и 500 русских. Доля мужчин и женщин в выборке примерно совпадает с долей мужчин и женщин в генеральной совокупности: мужчин – 44,4%, женщин – 55,6%. Минимальный возраст респондентов – 18 лет, максимальный – 89 лет. Средний возраст – 41,6 лет (статистическая ошибка среднего – 0,51). Большинство опрошенных (71%) относятся к категории людей, имеющих доход от 9000 до 29000 рублей.

Интервью мы брали как у экспертов (историков, политических активистов и т.д.), так и у простых жителей Казани. Исходя из цели нашей статьи, мы воспользуемся материалами интервью, проведенных с представителями последней группы. В интервью мы не задавали конкретных вопросов ни по истории падения Казани в 1552 г., ни по другим историческим событиям и эпохам. Также мы не задавали вопросы о конкретных исторических личностях, в том числе об Иване Грозном. Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства, той или иной этнической или социальной группы). Кто-то из информантов выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа, для кого-то важна была история своего города. Также сам информант решал, о каких конкретных исторических личностях он может рассказать.

Начнем с анализа интервью. Нарративы в интервью, связанные с 1552 г. в основном сконцентрированы вокруг двух исторических фигур – Ивана Грозного и царицы Сююмбике. Нередко о взятии Казани просто упоминают как об историческом факте без каких-либо эмоциональных оценок. Также об Иване Грозном говорят как об одном из русских правителей без эмоциональной оценки. В то же время встречаются интервью, в которых отчасти воспроизводится идеологема 1552 года, конструируемая татарскими элитами. Так, информант, отвечая на вопрос о «несправедливых правителях» в «нашей истории» говорит об Иване Грозном и в качестве одного из примеров его «несправедливости» приводит взятие Казани:

«Хорошо, а какие правители были самыми несправедливыми на твой взгляд? — Иван Грозный, наверное. — А почему? Р: почему? ну он ведь деспот был, тиран и, если читать по учебникам там верить допустим, там рассказывают вплоть до того, что у него были психические заболевания он там развлекался тем, что сажал своих холопов на кол и так далее и тому подобное. Сам по себе как человек он был ненормален, как можно было такого человека оставлять на престоле? И: то есть, как правитель он тоже был несправедлив? Р: наверное, да, ну хотя там с его правлением связаны такие события в истории, как завоевание, взятие Казани» (ВПМ-2).

Также в некоторых интервью воспроизводится точка зрения о насильственной христианизации после завоевания Иваном Грозным Казанского ханства:

«с приходом Ивана Грозного, началась насильственная христианизация. До Ивана Грозного, когда мы жили, предки наши в период Золотой орды, когда они правили каганатами своими, Хазарский каганат, когда расцвет государства, у нас всё развивалось тогда» (БВ-14).

Ещё один пример подобного нарратива:

«Трагический, на мой взгляд, — это во время правления Ивана Грозного, потому что это грубо говоря, на самом деле насилие. Это запрет на постройку мечетей, на религию, на свободу выбора ... Насколько я знаю. Он считал, что единая религия поможет укрепить народ, и единое государство, и все в этом

роде. И именно поэтому, он запретили ислам ... И трагизм в том, что человек не имел свободу свою. Многие татары были тоже переименованы на русские имена. Вот. В общем, татары были ущемлены. И мне кажется, что это и есть самый трагический период в нашей истории» (БТ – 10).

В некоторых интервью проводятся исторические параллели в негативном ключе между Иваном Грозным и Сталиным:

«Ну если историю рассматривать несправедливым было там Иван Грозный, который всех ... Ну о нем мало знаю. Но то, что у него говорят, была неуравновешенная психика, по объективным причинам. Потом что ну как получается не репрессии, репрессии были у Сталина говорят, вот это тоже было несправедливо, ну не за что убивались люди» (ВПМ-5).

Помимо интервью, в которых даются нейтральные или негативные оценки Ивану Грозному встречаются также интервью, в которых информанты пытаются дать амбивалентную оценку деятельности этой исторической личности и более взвешенную оценку исторических событий:

«Но до того времени, как пришли русские, войска Ивана Грозного и завоевали Казань в 1552 году. Здесь тоже, я не говорю, что одни русские прям виноваты в том, что Казань пала. Я думаю, внутри общества, были какие-то неполадки. Сейчас, Казань, татары, с тех пор, но раньше еще даже, после завоевания Ивана Грозного татары сохраняли свою идентичность. А вот сейчас, когда уже весь мир — это одна большая деревня, то татары еще больше забывают свой язык и свою культуру, что очень печально» (БТ-7). Другой пример амбивалентной оценки: «А если мы начнем, что вот Иван Грозный нас погубил, мы никак не можем сказать им... Мы любим говорить – вот Иван Грозный нас уничтожил. А никто не говорит, что мы держали их триста лет, за что они должны нас любить?» (ТМ – 7).

Кроме оценочных суждений исторической роли Ивана Грозного в материалах интервью встречаются также мифологические сюжеты. Одна сюжетная линия связана с мифическими отношениями Ивана Грозного и казанской царицы Сююмбике:

«Расскажи побольше, что ты знаешь об этом событии? Р: об этом событии? То, что построил Иван Грозный для Сююмбике башню. она была дочкой хана казанского, и она уж как, ну спрыгнула. И: А Сююмбике кто такая? Р: Сююмбике? Дочь хана. И: какого хана? Р: А что он для нее построил башню Сююмбике, потом с которой она спрыгнула, вот. Зато что, ну как бы он бы строил не только из-за нее, то, что она просила у Ивана Грозного, чтоб он не убивал народ вот поэтому еще может даже, она просила если построишь башню, я выйду за тебя замуж, но в итоге не вышла. И: А почему не вышла? Р: потому что не любила. И: А в итоге, что Иван Грозный сделал? Р: он ничего не сделал, ушел, по-моему,» (ВПМ-6). «Вообще, конечно, с историей нашего народа я столкнулась в школе по программе и наиболее впечатляющей была история Ивана Грозного и Сююмбике. Она мне очень понравилась. Вот. — А можешь про нее немножко сказать? Что помнишь оттуда? — Помню оттуда, то, что Иван Грозный, в общем, это было чистого рода насилие, то, что он хотел с ней жить, жениться на ней. Она этого не хотела и, в общем, спрыгнула с башни, которая у нас сейчас здесь в Казани — башня Сююмбике» (БТ-10). «Ну, было Татарское ханство. Его Иван Грозный завоевал и сказал, что будете теперь мне подчиняться. Сделал подкоп и напал на Казань. — А зачем завоевал? Зачем ему это надо было? — Потому что, ему нравился народ татарский, и он хотел в жены Сююмбике» (БТ-8).

Если обратиться к историческим источникам, то царицы Сююмбике во время осады и взятия Казани войсками Ивана Грозного в городе не было, и с башни она не прыгала.

В другом сюжете информанты говорят о татарском или болгарском происхождении Ивана Грозного:

«Сам даже Иван Грозный, он не больно-то русский. У него мать татаркой была» (БТ-14); «Иван Грозный что-ли? Он друг болгарского народа. -Да? -Да. -Почему? -Он сам болгар. Иван Грозный болгар? - Да. И по отцу и по матери тоже. А кто были его отец и мать. По матери он от Мамай идет, который казак. Украинцы даже издали монету в честь казака их Мамай. А казаки они если посмотреть в интернете, они себя считают болгарами. -А по отцу до него все русские цари все были от Атиллы, по прямой линии. Это все от Кубрата и тому подобное.

То есть, если более точно, то от племен дулу - дулебы по-русски. У них герб трезубец, украинский герб. То есть, это символ власти. -Получается Иван Грозный болгар по происхождению, а не Рюрикович? -Рюрик, конечно, Рюрик. Рюрики значит тоже болгары? -Да. Угир на самом деле. Не Рюрик, а Угир. — Это на болгарском получается? Да на болгарском» (БТ-11).

Далее перейдем к анализу данных анкетного опроса. Отвечая на вопрос о наиболее интересных эпохах в истории Татарстана, значительное число респондентов выбрали Казанское ханство — 20 % (23,9 % — татары, 16,1 % — русские) (табл. 1).

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжская Булгария	40 %	28,7 %	34,3 %
Золотая Орда	20,9 %	19,1 %	20 %
Казанское ханство	23,9 %	16,1 %	20 %
Время царствования Екатерины II	14,4 %	15,7 %	15 %
История Казанской губернии в XIX в.	12,2 %	13,4 %	12,8 %
История постсоветского Татарстана	11,0 %	8,7 %	9,8 %

Таблица 1. Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана¹

«Золотым веком» в истории Татарстана считают историю Казанского ханства 14 % респондентов (15,8 % — татары, 12,2 % — русские) (табл. 2).

¹ В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать «золотым веком»? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Настоящее время	17,2 %	17,6 %	17,4 %
Казанское ханство	15,8 %	12,2 %	14,0 %
Золотая Орда	12,6 %	13,8 %	13,2 %
Тюркский каганат	7,0 %	5,0 %	6,0 %
Волжская Булгария	6,6 %	4,6 %	5,6 %

Таблица 2. «Золотой век» в истории Татарстана

Когда дело доходит до вопросов, связанных с эмоциональными оценками исторических событий, то события 1552 г. оказываются далеко не самыми важными для абсолютного большинства респондентов, несмотря на то, что 1/5 часть респондентов испытывает интерес к истории Казанского ханства. Отвечая на вопрос: «Какими событиями в истории Татарстана, вы гордитесь больше всего?» — 31,2% жителей Казани выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В то же время оборона Казани в 1552 г. вызывает гордость только у 8 % жителей Казани (у 8,4 % татар и 7,7 % — русских) (табл. 3).

Отвечая на вопрос: «Какие события вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана?» — 34,2 % жителей Казани и 32 % казанцев-татар выбрали вариант «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Войну в Афганистане указали 16,6 % казанцев и 14,8 % казанцев-татар. В то же время падение Казани в 1552 г. считают трагической страницей в истории Татарстана только 8,8 % казанцев и 11,6 % казанцев-татар (табл. 4).

Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Победа в Великой Отечественной войне	28,7 %	34,3 %	31,5 %
Универсиада в Казани в 2013 г.	27,7 %	31,1 %	28,9 %
Основание Казани	22,2 %	22,8 %	22,5 %
Открытие Казанского университета	18,2 %	21,2 %	19,7 %
Избрание М.Ш. Шаймиева президентом РТ в 1991 г.	16,0 %	11,5 %	13,7 %
Образование Волжской Булгарии	12,5 %	12,3 %	12,4 %
Принятие ислама	14,3 %	4,2 %	9,3 %
Оборона Казани 1552 г.	8,5 %	7,7 %	8,1 %
Провозглашение суверенитета Республики Татарстан в 1990 г.	7,3 %	8,5 %	7,9 %
Образование Казанского ханства	2,6 %	4,8 %	3,7 %

Таблица 3. События, которые вызывают гордость в истории Татарстана

Какие события и эпохи вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	32,3 %	37,1 %	34,7 %
Война в Афганистане	15,1 %	19,0 %	17,0 %
Война в Чечне	13,7 %	16,3 %	15,0 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	14,9 %	12,2 %	13,6 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	11,1 %	13,3 %	12,2 %
Сталинские репрессии	11,1 %	14,1 %	12,6 %
Падение Казани в 1552 г.	11,7 %	6,1 %	8,9 %
Сворачивание суверенитета Татарстана в 2000-е годы	5 %	4,1 %	4,6 %
Распад СССР	9,5 %	8,2 %	8,8 %

Таблица 4. Трагические страницы истории Татарстана

Интересные данные были получены по оценке роли исторических личностей в истории России и Татарстана. Ивана Грозного респонденты оценили следующим образом. В ответе на вопрос: «Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны?» (выбрать не более трех вариантов ответа), 6,9 % татар и 6,3 % русских выбрали Ивана Грозного (табл. 5).

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Петр I	40,0 %	37,8 %	38,9 %
В.В. Путин	29,3 %	27,0 %	28,2 %
Екатерина II	15,8 %	18,8 %	17,3 %
А.С. Пушкин	16,4 %	17,2 %	16,8 %
И.В. Сталин	14,3 %	12,7 %	13,5 %
В.И. Ленин	14,5 %	7,6 %	11,1 %
Иван Грозный	6,9 %	6,3 %	6,6 %

Таблица 5. Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль в истории России

В ответе на вопрос: «Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана?» (выбрать не более трех вариантов ответа), 10,0 % татар и 10,9 % выбрали Ивана Грозного (табл. 6).

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
М.Ш. Шаймиев	53,2 %	51,0 %	52,1 %
Муса Джалиль	26,7 %	26,5 %	26,6 %
Габдулла Тукай	19,3 %	18,8 %	19,1 %
Чингисхан	12,4 %	15,6 %	14,0 %
Сююмбике	15,3 %	9,3 %	12,3 %
Иван Грозный	10,0 %	10,9 %	10,5 %
Алмуш	3,2 %	3,0 %	3,1 %

Таблица 6. Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль в истории Татарстана

Отвечая на вопрос «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории России?» 42,8 % татар и 45,0 % русских положительно оценивают роль Ивана Грозного в истории России, 19,6 % татар и 17,4 % русских – отрицательно и только 1,2 % респондентов не знают такую историческую личность. В ответе на вопрос: «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории Татарстана?» — 34,2 % татар и 37,8 % русских считают, что Иван Грозный сыграл положительную роль в истории Татарстана, отрицательно оценивают его роль 30,6 % татар и 23,8 % русских.

Таким образом, по результатам нашего социологического исследования можно сделать вывод о том, что, несмотря на все усилия татарской элиты по созданию из Ивана Грозного образа исторического злодея, достаточно большая доля простых жителей Татарстана, включая татар, положительно оценивают деятельность Ивана Грозного не только в истории России, но и в истории Татарстана. Татарские элиты достигли весьма скромных успехов в продвижении своей версии национальной истории. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных архипелагов» в постсоветском Татарстане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы попробуем ответить на такой вопрос: почему идеологема 1552 года и негативный образ Ивана Грозного относительно слабо воспринимаются простыми жителями Татарстана? Первая причина ее не востребованности – ненужность образов «древней истории» в повседневной жизни. Казанский социолог Е.А. Бондаренко отмечает, что для жителей Татарстана более значимы политические компоненты общественной жизни, чем историко-культурные символы (Бондаренко, 2011). Или, другими словами, простые люди живут больше насущным настоящим, не сильно задумываясь об историческом прошлом. С этим выводом пересекаются результаты проекта «“Войны памяти” и “конвенции памяти” в постсоветском Татарстане». Если же историческое прошлое имеет значение для некоторых людей, то более значимыми являются события недавнего прошлого. В Татарстане, например, более востребованной и эмоционально окрашенной выступает история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), а не история XVI столетия. В этом случае в трансляции истории XX в. задействованы не только институты культурной памяти, но и коммуникативная память, передающаяся в устной форме на протяжении 3-4 поколений (Ассман, 2004).

Вторая важная причина состоит в том, что, несмотря на доминирование в Татарстане, татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции в трансляции своих идей в массовое сознание с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в общероссийском масштабе. Например, память о Великой Отечественной войне является центральной частью исторической идеологии России. Данная идеология транслируется через институты образования и СМИ в массовое историческое сознание. Татарские элиты не выдерживают конкуренции с федеральными элитами в формировании исторического сознания жителей Татарстана. Особенно трудно стало конкурировать после начала политики сворачивания суверенитета Татарстана с начала 2000-х гг.

При этом важно отметить, что это не означает, что у идеологемы 1552 года и негативного образа Ивана Грозного как составной части этой идеологемы нет будущего в Татарстане. При определенных политических условиях (например, при ослаблении федерального центра и соответственно при усилении региональных элит) идеологема 1552 года и образ Ивана Грозного как исторического злодея могут быть использованы для целей татарских элит и успешно ими инкорпорированы в историческое сознание татарстанцев.

Список литературы

- Alvarez Veinguer, A. & Davis, H. (2007). Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 7(2), 186–207.
- Alvarez Veinguer, A. (2007). (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan. *Nationalities Papers*, 35 (3), 457–476.
- Davis, H., Hammond, P. & Nizamova, L. (2000). Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6(2), 203–226.
- Derrick, M. (2013). The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin. *Acta Slavica Iaponica*, (33), 1–25.
- Faller, H.M. (2011). *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest; N.Y.: Central European University Press.
- Friedli, A. (2012). Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan. *Urbanities*, 2(1), 4–17.
- Graney, K.E. (2009). *Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books.
- Kinossian, N. (2012). Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 64(5), 879–901.
- Rorlich Azode-Ayse (1999). History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32(4), 379–396.
- Zverev, A. (2002). 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography. In B. Coppeters and M. Huysseune (eds.). *Secession, History and the Social Sciences*. Brussels: VUB Brussels University Press. (pp. 69–87).
- Аймермахера, К. & Бордюгова, Г.М. (ред.) (1999). *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
- Бомсдорфа, Ф. & Бордюгова, Г. М. (ред.) (2009). *Национальные истории на постсоветском пространстве — II*. Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX.
- Бондаренко, Е. А. (2001). Отчет по результатам обследования этнонациональной идентичности населения и сферы культурного и медиа-потребления в Татарстане. В С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова (ред.). *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане*. Казань: Изд-во КГУ. (стр. 234–264).

- Галлямова, А.Г., Гибатдинов, М.М. & Кабирова, А.Ш. (2012). *История татарского народа (XX – XXI): учебное пособие для 11 кл. сред. общеобразоват. шк. с рус. яз. обучения (профильный уровень)*. Казань: Татар. кн. изд-во.
- Гариф, Н. (2007). *Освободительная война татарского народа*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Гибатдинов, М.М. (2003). *Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность*. Казань: Институт истории АН РТ.
- Гилязов, И. (2000). Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете — вчера и сегодня. *Ab Imperio*, (3–4), 359–356.
- Гилязов, И. А., Пискарев, В. И. & Хузин, Ф.Ш. (2008). *История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века*. Учебное пособие для 10 класса средней общеобразовательной школы. Казань: Хэтер.
- Исхаков, Д. М., Измайлов, И. Л., Гилязов, И.А. & Гибатдинов, М. М. (2009). *История татарского народа (с древнейших времен до конца XVII в.): Учеб. пособие для 10 кл. общеобразоват. шк. (профильный уровень)*. Казань: Магариф.
- Исхаков, С. (1999). История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации». В К. Аймермахера, Г. Бордюгова (ред.) *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX. (стр. 273–295).
- Карбаинов, Н. И. (2018а). Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2), 45–74.
- Карбаинов, Н. И. (2018б). Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Власть и элиты*, (5), 211-237.
- Карбаинов, Н. И. (2018в). Образы революционных событий 1917-1920-х гг. в постсоветском Татарстане: версии элит и массовые представления. *Петербургская социология сегодня*, (10), 77-98.
- Миллер, А. & Липман, М. (2012). *Историческая политика в XXI веке: сб. статей*. М.: Новое литературное обозрение.
- Мухаметдинов, Р. Ф. (2006). *Идейно-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) (сопоставление с опытом Турции)*. Казань: Тамга.

- Мухарьямова, Л. М. & Андреева, А. Р. (2013). Институционализация национальной школы в постсоветской России. В Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой (ред.) *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. (стр. 87–115).
- Низамова, Л. Р. (2001). Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейс-стади Всемирного конгресса татар. В С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова (ред.) *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане*. Казань: Изд-во КГУ. (стр. 166–233).
- Овчинников, А.В. (2010). Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа»). *Вестник Удмуртского университета*, (1), 79–85.
- Порываева, Л. (2018). Историческая травма? Как в Казани относятся к Ивану Грозному. *Ридус*. 29.01.2018. Retrieved from <https://www.ridus.ru/news/269746>
- Радик, (2013). Злодей Иван был убийцей многих народов. *РИА Новости*. 19.07.2013. Retrieved from <https://ria.ru/20130719/950593489.html>
- Сагитова, Л. В. (1998). *Этничность в современном Татарстане*. Казань: Татполиграф.
- Сулейманов, Р. (2014). В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение. *Информационное агентство «Регнум»*. 20.08.2014. Retrieved from <https://regnum.ru/news/1838520.html>
- Усманова, Д. (2003). Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. *Ab Imperio*, (3), 337–360.
- Хаким, Р. С. (2007). *Тернистый путь к свободе (Сочинения 1989–2006 гг.)*. Казань: Татарское книж. изд-во.
- Хамидуллин, Б. (2016). Падение Казани... день скорби... день памяти. *Сайт «Реальное время»*. 15.10.2016. Retrieved from <https://realnoevremya.ru/articles/45446>
- Шнирельман В. (2002). Идентичность и образы предков: татары перед выбором. *Вестник Евразии*, (4), 128–147.

Список информантов

- ВПМ-2 – татарка, 25 лет, высшее образование (интервьюер - К. Озерова).
- ВПМ-5 – татарка, 23 года, высшее (интервьюер - К. Озерова).
- ВПМ-6 — татарин, 32 года, среднее образование (интервьюер - К. Озерова).
- ВПМ-10 — татарка 43 года высшее образование (интервьюер- Г. Юсупова).
- БВ-14 — татарка, 24 года, Татарстан (интервьюер - Е. Смирнова).
- БТ-8 — татарка, 24 года, высшее образование (интервьюер - Р. Митрофанов).
- БТ-10 — татарка, 21 год, высшее образование (интервьюер - Р. Митрофанов).
- БТ-11 – болгар, 66 лет, высшее (Интервьюер - Р. Митрофанов).
- БТ-14 – татарка, 76 лет, высшее (Интервьюер - Р. Митрофанов).
- ТМ-7 - Исполнитель в Татарской государственной филармонии им. Г. Тукая (Интервьюер - К. Озерова).

References

- Alvarez Veinguer, A. & Davis, H. (2007). Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 7(2), 186–207.
- Alvarez Veinguer, A. (2007). (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan. *Nationalities Papers*, 35 (3), 457–476.
- Davis, H., Hammond, P. & Nizamova. L. (2000). Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6(2), 203–226.
- Derrick, M. (2013). The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin. *Acta Slavica Iaponica*, (33), 1–25.
- Faller, H.M. (2011). *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest; N.Y.: Central European University Press.
- Friedli, A. (2012). Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan. *Urbanities*, 2(1), 4–17.
- Graney, K.E. (2009). *Of Khans and Kremains: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books.
- Kinossian, N. (2012). Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 64(5), 879–901.

- Rorlich Azode-Ayse (1999). History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32(4), 379–396.
- Zverev, A. (2002). ‘The Patience of a Nation is Measured in Centuries’. National Revival in Tatarstan and Historiography. In B. Coppieters and M. Huysseune (eds.). *Secession, History and the Social Sciences*. Brussels: VUB Brussels University Press. (pp. 69–87).
- Aymermacher, K. & Bordyugov, G.M. (ed.) (1999). *National stories in the Soviet and post-Soviet states*. Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XX. (in Russian)
- Assman, J. (2004). *Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. M.: Languages of Slavic culture. (in Russian)
- Bomsdorf, F. & Bordyugov, G.M. (eds.) (2009). *National stories in the post-Soviet space - II*. Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XX. (in Russian)
- Bondarenko, E.A. (2001). Report on the results of a survey of ethno-national identity of the population and the sphere of cultural and media consumption in Tatarstan. In S.A. Erofeev, L.R. Nizamova (eds.). *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan*. Kazan: KSU Publishing House. (p. 234–264). (in Russian)
- Gallyamova, A.G., Gibatdinov, M.M. & Kabirova, A.Sh. (2012). *History of the Tatar people (XX - XXI): study guide for 11th grade wednesday general education. school with Russian lang training (profile level)*. Kazan: Tatars. Prince publishing house. (in Russian)
- Garif, N. (2007). *The liberation war of the Tatar people*. Kazan: Tatar book publishing house. (in Russian)
- Gibatdinov, M.M. (2003). *Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in a comprehensive school: history and modernity*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the RT. (in Russian)
- Gilyazov, I. (2000). From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at Kazan University - yesterday and today. *Ab Imperio*, (3-4), 359–356. (in Russian)
- Gilyazov, I.A., Piskarev, V.I. & Khuzin, F.Sh. (2008). *The history of Tatarstan and the Tatar people from ancient times to the end of the XIX century. Textbook for grade 10 of a secondary school*. Kazan: Hater. (in Russian)
- Iskhakov, D.M., Izmailov, I. II., Gilyazov, I.A. & Gibatdinov, M.M. (2009). *The history of the Tatar people (from ancient times to the end of the XVII century.): Textbook. allowance for 10 cl. general education. school (profile level)*. Kazan: Magarif. (in Russian)

- Iskhakov, S. (1999). The history of the Volga and Ural peoples: problems and prospects of "nationalization". In K. Aymermacher, G. Bordyugov (eds.) *National stories in the Soviet and post-Soviet states*. M.: Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XX. (pp. 273–295). (in Russian)
- Karbainov, N.I. (2018a). Images of the history of “Turkic civilization” in post-Soviet Tatarstan: elite versions and mass representations. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 21 (2), 45–74. (in Russian)
- Karbainov, N.I. (2018b). The ideology of 1552 in post-Soviet Tatarstan: a version of the elites and mass representations. *Power and Elites*, (5), 211-237. (in Russian)
- Karbainov, N.I. (2018c). Images of revolutionary events of the 1917-1920s. in post-Soviet Tatarstan: versions of elites and mass representations. *Petersburg Sociology Today*, (10), 77-98. (in Russian)
- Miller, A. & Lipman, M. (2012). *Historical politics in the XXI century: Sat. articles*. M.: New literary review. (in Russian)
- Mukhametdinov, R.F. (2006). *Ideological and political trends in post-Soviet Tatarstan (1991-2006) (comparison with the experience of Turkey)*. Kazan: Tamga. (in Russian)
- Mukharyamova, L.M. & Andreeva, A.R. (2013). Institutionalization of the national school in post-Soviet Russia. In R.N. Musina, G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova (Ed.) *Ethnosociology in Tatarstan: field research experience. Sat articles for the anniversary of L.M. Drobizhieva*. Kazan: Institute of History named after S. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2013. (pp. 87–115). (in Russian)
- Nizamova, L.R. (2001). Media product and “national” ideology: case studies of the World Tatars Congress. In S.A. Erofeev, L.R. Nizamova (Ed.) *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan*. Kazan: KSU Publishing House. (p. 166–233). (in Russian)
- Ovchinnikov, A.V. (2010). A new approach to the study of the phenomenon of modern "national historiography" (for example, "the history of the Tatar people"). *Bulletin of the Udmurt University*, (1), 79–85. (in Russian)
- Poryvaeva, L. (2018). Historical trauma? As in Kazan they relate to Ivan the Terrible. *Reedus*. 01/29/2018. Retrieved from <https://www.ridus.ru/news/269746> (in Russian)

- Radik, (2013). The villain Ivan was a killer of many nations. *RIA News*. 07/19/2013. Retrieved from <https://ria.ru/20130719/950593489.html> (in Russian)
- Sagitova, L.V. (1998). *Ethnicity in modern Tatarstan*. Kazan: Tatpolygraph. (in Russian)
- Suleymanov, R. (2014). In the "Shaimiev era" in Tatarstan, a generation hostile to Russia grew up: opinion. *Regnum News Agency*. 08/20/2014. Retrieved from <https://regnum.ru/news/1838520.html> (in Russian)
- Usmanova, D. (2003). Creating the national history of the Tatars: historiographic and intellectual debates at the turn of the century. *Ab Imperio*, (3), 337-360. (in Russian)
- Hakim, R.S. (2007). *The Thorny Path to Freedom (Works of 1989–2006)*. Kazan: Tatar books. publishing house. (in Russian)
- Hamidullin, B. (2016). The fall of Kazan ... a day of sorrow ... a day of remembrance. *Site "Real time"*. 10/15/2016. Retrieved from <https://realnoevremya.ru/articles/45446> (in Russian)
- Schnirelman V. (2002). Identity and images of ancestors: Tatars before a choice. *Bulletin of Eurasia*, (4), 128–147. (in Russian)